

ЭРНСТ ЮНГЕР

ЧИСЛА И БОГИ

ФИЛЕМОН И БАВКИДА

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2022

УДК 82
ББК 87.3(4Гем)
Ю50

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Анатолий Иванов.

Юнгер, Э.

Ю50 Числа и Боги / Филемон и Бавкида. — М.: Тотенбург, 2022. — 168 с.

В первой части под названием «Числа и Боги» Эрнст Юнгер (1895–1998 гг.), немецкий писатель и мыслитель, повествует о генеалогии чисел, их связи с изначальным творением, метафизическом смысле и связи с божественным, до духовной цифровизации современного мира.

«Филемон и Бавкида. Смерть в мифическом и техническом мире» написана в память друзей, погибших в авиакатастрофе в 1971 г. Философ демонстрирует особенности цивилизационных угроз нашего времени, обнажая пороки статистики и опасности технического прогресса, общественных предрассудков, упадок морали и нравов.

**УДК 82
ББК 87.3(4Гем)**

© Анатолий Иванов,
перевод с немецкого,

© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИСЛА И БОГИ	5
Первая часть	7
Вторая часть	68
Третья часть.....	102
ФИЛЕМОН И БАВКИДА.....	121

**ЧИСЛА
И
БОГИ**

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1

Великая Игра множественности в пространстве и повторения во времени началась с Двойки, с первого расщепления.

Первобытные мифы и документы рассказывают, что творение началось с разделения Единого. Оно произвело из самого себя некий аналог. Таким образом было создано нечто подобное, но все же другое, некий двойник.

С тех пор начались затруднения и возникли проблемы, которые никогда не были решены, хотя теологи, философы и математики не прекращали попыток дать ответы на эти вопросы.

Произвело ли Единое вне самого себя некое отражение? В этом случае мир должен бы быть его идеей или его мечтой.

Или произошла настоящая деривация, в результате которой небо и земля, Верх и Низ, Добро и Зло обрели силу? Это включало бы в себя постоянное дарение — либо при посредстве космического влияния, либо через вестников. Творение должно обновляться путем порождения, оно должно, если исходить из аналогии, повторяться во времени. Порождение — это его символ, равно как и страдание: оно повторяется в рождении и в муках.

Необходимо было какое-то первичное сопротивление, чтобы вследствие этого Единое преобразилось и затерялось во множественности. Так Призма воздействует на невидимый свет.

2

Предположение о предсуществовании хаоса плохо согласуется с предположением о всемогуществе. Но что значит «предсуществование»? Здесь уже вмешивается временная точка зрения.

«Бесформенное и пустое», *tenebrae super faciem abyssi* («тьма перед лицом бездны») — в этих словах чувствуется трепет духа, наводящего порядок, перед лицом нечленораздельности, лишенной какой-либо меры и формы.

Гесиод тоже ставил в начало хаос; он предполагал, что хаос породил землю, тартар и Эрос. Земля породила титанов, еще недостаточно освободившихся от хаотических сил, — на уровне более высоком, нежели стихийный, это истина. Но согласно офитам, наоборот, первоначало породило хаос и эфир.

Для святого Августина («Исповедь», XI, 5) хаос — бесформенная материя, лишенная красоты, на основе которой была создана Красота; таким образом, это предварительный этап, но она тоже была создана. Невидимая материя была создана из ничего, а потом из нее была создана видимая материя. Так гончар из бесформенной сырой глины делает сосуды. Но у Августина разница в следующем: Бог сразу

создал эту бесформенность как предварительное условие для придания ей формы.

3

Творение и начало: как все было создано или родилось — за один раз или в несколько приемов: «во веки веков» или согласно закону Вечного Возвращения — на эти вопросы невозможно дать ясный ответ, на это не способен язык с его спряжениями глаголов, основанными на времени, из-за этого человек запутывается в противоречиях, как в лабиринте: можно сказать, что небытие «было» или что его «не было».

Само познание, зависящее от языка, доводит до края бездны или до подножия Стены Времени, но ни шагу далее. «Поэтому мы с нашим разумом, этим чистым орудием Воли, повсюду наталкиваемся на проблемы, которые невозможно решить, как на стены тюремной камеры»¹.

Только мифы выдвигают идею о том, что может скрываться за воротами восприятия; это чудо, что туда можно бросить взгляд. Впрочем, до нас дошли только их черепки, осколки. Все свидетельствует о том, что некогда существовало единство, и люди испытывают глубокую ностальгию, надеясь на его возвращение. Все привлекательное в материи, в космосе, в природе и в истории свидетельствует об этом. Человек испытывает предчувствие счастья,

¹ Шопенгауэр, А. Мир как Воля и Представление. — Здесь и далее примечания французского переводчика Франсуа Понсе.

когда отдыхает, в мирное время, в любовных объятиях, выходя за пределы времени, «ибо любое счастье зовется вечностью»².

Этому изначально соответствует вражда. Само несовершенство становится осознанным в форме страдания, вызванного разрывом с «Другим». Эта утрата принимает ощутимую форму, превращается во врага, целью, миссией становится ее отторжение, появляется стремление ее обмануть. Ненависть показывает свою глубину в поисках основ, которые невозможно найти, взамен этого их выдумывают. Волк использует для этой цели барана, собака — кошку; мы соприкасаемся здесь с тайной Змия. Речь идет о воплощении сомнения и расщепления, о неотвязной ненависти с незапамятных времен.

Змий скрывается и в гордиевом узле. Прочитруем «Историю Александра Великого» Дройзена (1833 г.): «И подобно тому, как в первый день творения Бог разделил свет и тьму и в этот первый день были вечер и утро, так первый день истории разделил народы Запада и Востока, которые постоянно враждуют и постоянно жаждут примирения, потому что такова жизнь всего сотворенного: истощение и новое погружение в древнюю мирную ночь несозданного начала; поэтому народы Запада и Востока сражаются друг с другом не на жизнь, а на смерть; они надеются обрести, наконец, покой».

² Цитата из «Заратустры» Ницше.

Одна из новейших астрономических теорий приписывает образование небесных тел сосредоточению в глубинах Вселенной огромных масс аморфной космической пыли. Так могут появляться такие свойства, как тяжесть, теплота и даже различия в химическом составе.

Но всегда, даже при предполагаемом взрывном первоначале, необходимо, чтобы что-то существовало, чтобы разум мог за него уцепиться. Он не может выйти за пределы существующего в пространстве, во времени или в материи. Это не его задача. Его инструментарий рассчитан на данное в ощущениях. Перед лицом вечности, бесконечности, небытия он вынужден остановиться.

Такие же ограничения имеет и теология. Мифы о сотворении мира не могут подниматься выше науки, но в данном случае есть различия в формулировках, напоминающие различия между алфавитной и пиктографической письменностью. Вселенная может восприниматься как произведение искусства или как механизм. И в том, и в другом случае достигается предел, пересечь который можно лишь со страхом и благоговением. Метафизика тоже имеет свои пределы, воображаемые у Платона, методические у Канта.

5

Творение из хаоса, из воды, из бесформенной материи, из бездны предполагает предсуществование чего-то. Святой Августин более радикален, потому что он предполагает, что эта подготовительная стадия тоже была создана. До этого был не хаос — ничего не было.

Разум не может избежать контакта с небытием, не может уклониться от него, даже если с ужасом отшатнется. Верным признаком служит одно исключение, вопрос о котором постоянно встает: у нас нет символа небытия, в то время как символов смерти — легион. Достаточно одного вида барочных надгробных плит. Каждый из этих символов относится к чему-то существующему — череп, змея, чаша, крест. Многие из них двусмысленны, они с такой же силой служат символами жизни. Смерть может считаться тенью жизни, одной лишь ее видимостью, приложениям к существующему.

Независимо от того, верит человек в бессмертие или нет, в любом случае это вера ни в чем не противоречит представлению о нем.

6

Иначе обстоит дело с небытием. Оно не связано ни с чем существующим, живым или неживым, это чистое «ничто», оно противоречит совокупности всех вещей и самому представлению о нем.

Небытие за пределами любого отрицания, оно переживет любое уничтожение. Его можно уловить только с помощью одной концепции, подсказанной одним словом, — это уловка абстрактной мысли.

Введение Нуля в систему чисел, приписываемое индусам, — абстракция сходного типа. Она соответствует небытию и представляет собой то исключение, о котором мы только что упомянули.

Ullus — это любое что-то, nullus³ — отрицание, отсылка к небытию. Равным образом «ничто» это «не что-то», ne rien⁴ ни одной вещи и le neant небытия. Буква Н — это тень, отбрасываемая на концептуальную и конкретную Вселенную.

Ноль всегда налицо, либо как не обладающий протяженностью центр круга, либо как начало осей координат или средний предел всей системы, в которую входят числа и меры. Он фигурирует в арифметических операциях, выравнивая основную тонкую линию, позволяющую предвосхитить, увидеть, словно через вуаль, каким может быть результат соприкосновения небытия с бытием.

7

Ноль это подлинный антагонист Единицы, он, а не множество, является ее противовесом. В то время как Единица существует в виде числа, Ноль прилага-

³ По-французски в немецком оригинале.

⁴ То же.

ется к ней, не существуя, однако без него мы не можем составить представление о Единице и единицах.

Образом этого служат солнечные и звездные системы, разделенные световыми годами. Только образом, потому что могут возразить: это только их существование создает пространство, т. е. измеряемую величину. Поэтому мы стремимся отодвинуть небытие в какую-то внешнюю сферу, представляя себе Вселенную как нечто единое, а абсолютное небытие к ней прилагается.

Есть два пути приблизиться к пониманию небытия и опять-таки лишь в образах: мы можем представить себе все звезды слившимися в одну единственную звезду, образуя единство, к которому ничто прилагается как его противоположность. Мы могли бы также уменьшать объект, пока он не будет поглощен небытием. Но все это лишь умственные упражнения.

Первоначальным было представление о замкнутой Вселенной. Коперник его преодолел, однако предел отодвигается все дальше в пространство по мере того, как увеличивается дальность действия наших технических средств, а небытие ускользает и не позволяет составить представление о нем.

8.

Мифы более или менее различаются в зависимости от того, ставят они в начало творение или возникновение. Творец творит из хаоса, его дух оформляет бесформенное и создает цельные части. Он ви-

тает над водами, создавать значит придавать меру. Всегда есть нечто уже существующее, если только им не могло быть одно Бытие, сам творец.

Начало происходит, таким образом, сверху вниз; творец склоняется над бездной. Возникновение происходит в противоположном направлении, снизу вверх, в виде почек или выбросов из чего-то неопределенного, не могущего восприниматься как личность. С одной стороны свет, с другой — тьма, с одной стороны небо, с другой — земля, с одной стороны порождение, с другой — рождение, и в конечном счете, с одной стороны существующее, с другой — небытие. Для возникновения из первоосновы есть много образов: земля изображается в виде пещеры, яйца, змеи или черепахи. В мифах это выражается в более или менее точных образах и описаниях промежуточных стадий: небо и земля, свет и тьма, отец и мать, Лингам и Иони, а в царстве чисел: Единица и Нуль.

9

Понятие Нуля и его использование при расчетах пришло к нам от индусов при посредстве арабов. Оно принадлежит к числу тех революций, которые предшествуют материальным изобретениям, таким как открытие пороха или создание паровой машины, хотя они в меньшей степени привлекают внимание. Этот феномен можно сравнить с изобретением часового механизма, регулирующего движения маятника или стрелки.

И в самом деле: в обоих случаях в основу лег один и тот же принцип. В случае с Нулем это пустота, которая вводится с особым знаком в ряд чисел, а в случае с часовым механизмом это пауза, которая прерывает движение стрелки. Этот часовой механизм регулировал непрерывный поток времени в отличие от древних часов, измерявших время с помощью света, воды или песка.

Несомненно, не случайно и в истории Нуля, и в случае с изобретением этого механизма мы встречаем имя ученого монаха Герберта, ставшего папой под именем Сильвестра II и умершего в 1003 году. Этот Герберт, равно как Гийом д'Ирсо и другие, был одним из тех монахов, которым приписывали изобретение часов с системой зубчатых колес. Роль, которую он сыграл в развитии счетного искусства, известна лучше. Его модель счетной линейки, абака, получила широкое распространение. Он заставил двигаться, как говорил один из его учеников, «девять знаков, которые никто не знал, и с помощью которых можно было указывать все числа». Однако Нуля еще не было: на абаке колонки, на которых не было чисел, оставались просто пустыми.

Эта пустота «в сущности» всегда присутствует как в ряду чисел, так и в последовательности времени. Нуль и часовой механизм делают ее визуальной путем перерыва, своего рода бездействия, благодаря чему число, как и время, становится готовым к операциям нового типа.

Наряду с описанным методом расчетов, операции на абаке были еще весьма сложной процедурой. Но первые часы с системой зубчатых колес были немелкими прототипами по сравнению с нашими.

Герберт знал новую систему изображения чисел, принятую у мавров в Испании; он ожидал от нее чудес, но он был лишь авантюристом в этой сфере, он не знал, как овладеть ей, в отличие от его арабских учителей. Это предчувствие огромных отзвуков было очень сходно с тем, какое вызвали в первые десятилетия XX века теории и опыты атомной физики: утопия начинала воплощаться в жизнь.

Кроме того, сказалась способность людей Запада удвоить знания и технические средства, заимствованные из наследия других культур, которые сами по себе никогда не могли бы развить подобную энергию.

Большие шаги вперед всегда вызывают страх и встречают сопротивление. Была и другая забота: не является ли это преступным оскорблением величия божества, подобно поступку, некогда сделанному Прометеем?

Папа Сильвестр имел дурную репутацию мага; ходили слухи, что один араб из Севильи посвятил его в Черную магию. Благодаря своей таблице расчетов он мог якобы проникать в значение полета птиц и заклинать адские тени. Одна из легенд, связанных

с его личностью, описывает посещение им ада. Ему было дозволено созерцать бесчисленные груды сокровищ, но он не мог ничего взять с собой. Этот миф касается высшего уровня наслаждения, которого могут достичь математики: чистого созерцания. Могущество и господство достигаются на высшем уровне тем, кто знает, им одним. Перед ним волнами текут богатства земные, внизу он видит корабли, нагруженные товарами, армии искателей золота, конторы купцов, все трудности и удачи погони за прибылью. А здесь покой — у него в руках ключ.

12

Индийские цифры впервые появились на христианском Западе на счетной доске Герберта. Нуля еще не было, но в окружении Герберта и среди его учеников поднимался ропот, такой же, какой в более близкое к нам время вызывали опыты Резерфорда.

Нельзя забывать о том, что в Средние века многие считали Нуль дьявольским изобретением. И сегодня, когда после этого прошла почти тысяча лет, приближаясь к готическим кельям, в которых зарождались эти ростки, мы чувствуем, что тревожные тени не хотят рассеиваться. Мы посягнули на число и меру, на основы мира статических и динамических явлений и теперь вступаем в его последнюю фазу.

Разумеется, энергия Вселенной остается постоянной, неисчерпаемой; мы сделали лишь модель ключа к одной из сокровищниц и все более тонко

его отшлифовываем. Эволюция может двигаться дальше шаг за шагом, но остается нечто необъяснимое, чудо. Эволюция — это развитие, прогресс. Но прежде всякого разделения, всякого прорастания, вне времени происходит чудо, и эволюция описывает круг вокруг неосязяемого.

13

Если мы будем держаться за образ ключа, мы должны будем представить его себе сначала массивным, неотшлифованным. Одновременно это слово позволяет понять или просто предчувствовать, что однажды дверь сокровищницы будет взломана, нужная комбинация будет найдена. Потом будет призван на помощь практический разум, чтобы, шаг за шагом следуя за мечтой, осуществить ее, реализовать предчувствие.

Сказка уводит во вневременное ядро этой эволюции. Оставаясь в царстве мечты, она игнорирует барьер между свершением и желанием. Невозможность его пересечь — одно из мучений фаустовского человека: «Меня желанье мучит насладиться тем, чего я достиг». Магические кольца и волшебные лампы — это ключи, позволяющие немедленно достичь цели; сказать слово «сезам» достаточно для того, чтобы без усилия открыть дверь сокровищницы. Вера в слова, обладающие мощной энергией, в слова, которые открывают все двери, и надежда, возлагаемая на них, никогда не покидали человека, даже

в эпохи, когда теология утрачивала свою возвышенность. Эта вера возвращается как знание к человеку, которому угрожает опасность; когда языка ему не хватает, он кричит.

14

Пустота на счетной доске, которая вставлялась между всеми перечисленными величинами, всегда наличествовала; с введением Нуля она получила имя и значение, была признана ее ценность, зависящая от ее позиции. Полагали, будто ничего особенного не произошло, но на самом деле это был фундаментальный поворот в мышлении. Была открыта растительная точка, без которой не было бы ни корней, ни ветвей, ни цветов, ни плодов.

«Нуль — это обозначение того, что должно быть здесь, извещающее о том, что здесь ничего нет», — так определяет его роль в своем комментарии Карл Меннингер. Эта цитата заимствована из его сочинения «История цифр. Числа, символы, слова». Не довольствуясь анализом этой темы на основе своих удивительных познаний в области математической и исторической науки, Меннингер проник своим взглядом за завесу оцифрованного мира.

Завоевание ряда чисел началось задолго до халдеев, это коллективное приобретение человеческого рода — может быть, единственное, если не считать орудий труда. Трудно осознать, что числа были не только открыты, но и придуманы. Они вы-

делились из несоизмеримого, подобно тому как система каналов, направивших воду из океана вглубь земель, дала невообразимые выгоды.

15

«Число — это суть вещей». Эта фраза приписывается Пифагору, учение которого мы знаем лишь по отрывкам, переданным его учениками. То, что мы знаем о нем, ограничивается слухами: это черта, свойственная мифическим существам.

Обожествление числа чуждо нашему мышлению. Этот вид умозаключений может быть локализован на том же уровне восприятия, на котором рождается астрология. Следует понимать под этим скорее лишь личную природу чисел, их посвящение. Так «планета Юпитер» посвящена высшему богу, особое могущество которого она отражает. Это олицетворения мира, оживленного в мифе.

Видеть в числе «суть вещей» значит встать на сходную точку зрения. По мере все большего абстрагирования мир терял свой блеск: так свободное хищное животное превращается в дрессированного пуделя. Один проблеск сохранился в музыке, другой — в гармонии видимых вещей, в искусстве и в природе.

Пифагорейское число — это число муз и Орфея, оно уклоняется от логического и метрического порядка. Оно не может быть оцифровано и отличается от математического числа в той мере, в какой оно указывает на ценности, а не на величины, количества и

расстояния. Орфические числа могут соединяться с математическими и согласовываться с ними, как мелодия и ритм в пении. Они становятся ощутимыми, но не более чем ветер в лесу, и вызывают восхищение.

Способность различать ценности и количества отделяет гения муз от технического гения, хотя они могут сочетаться на уровне высшей культуры.

16

Среди чисел с Юпитером может быть соотнесена только Единица, никакое другое. Ее особый ранг признается одним лишь фактом ее сравнительно позднего введения в ряд чисел. Смотреть на голову как на одну из частей тела, поместить Единицу как число среди прочих чисел: наше шестое чувство побуждает нас сопротивляться этому. С другой стороны, можно считать ее единственным числом, достойным этого имени, ибо в ней материализуется начало любого расчета и перечисления. Она содержится во всех числах, которые следуют за ней, составляет их, как атом составляет тела, является производным любой величины, которая делится на саму себя.

В этом свете можно счесть божественными числа Два и Три, Семь и Двенадцать, может быть, даже Сорок, но как быть с несметным количеством? Единица в таком случае играет такую же роль, как любой завоеватель, власть которого ста-

новится все слабее, по мере того, как она расширяется. Во всяком случае, она заключает в себе способность собирать «воедино» значительное количество даже песчинок на дне морском; это подтверждается абстрактно при расчетах и конкретно в органическом мире. Единица облегчает оценку, позволяет создавать концепции.

Тысячелетия и даже секунды таят в себе число и количество — такова предпосылка астрологии. Выявить их как в больших домах, так и в эфемерных — ее задача. Она убеждает каждого человека, заставляет его верить в судьбу, которая ему предопределена. Это больше, чем вера в счастливые числа и талисманы, которая остается неискоренимой, несмотря на все разочарования. Это орфическое знание, глубокая надежда, которая служит поддержкой.

Часто задают вопрос, каким образом она может сохраняться и даже распространяться во времена все большего оцифровывания. Задать этот вопрос, значит, несомненно, уже ответить на него.

17

«Нуль — это обозначение того, что должно быть здесь, извещающее о том, что здесь ничего нет», — эту цитату сто́ит повторить.

Если в Индии это «ничто» соприкасалось с существованием и считалось положительным,

то Запад сделал его активным. Это более чем различие в методах счета.

Французское *zéro*, обозначающее «ничто», происходит, как и слово «цифра», от арабского «аш-шифр», в свою очередь происходящего от индийского слова, обозначающего «пустоту».

Цифра, шифр — первоначально эти слова обозначали только «зеро», и лишь позже им придали числовые значения. Язык, таким образом, сохранил след того, что слово «цифра» заключало в себе настоящий порог, камень преткновения, который надо было преодолеть, прежде чем ассимилировать ряд индийский чисел. Слово «Нуль» появилось позже, и с его адаптацией тоже были трудности. Это сокращение от слова *nulla figura* — «никакого образа». Римские цифры использовались в чисто изобразительной манере. Они походили на персонажей спектакля: они присутствуют, когда поднимаются на сцену или на счетную доску, в противном случае их просто нет, они отсутствуют.

Как, отсутствуя, можно одновременно присутствовать, будучи *nulla figura*, — это было трудно понять, доходило до скандалов.

В XV веке, когда коммерсанты уже давно использовали в своих текущих расчетах арабские цифры, один французский ученый все еще писал: «Это все равно, как если бы куколка бабочки захотела стать орлом, осел — львом, а обезьяна — королевой. Цифра претендует на то, что она образ».

Чем же вызывались скандалы? Не нужно относиться к этому так легко, как мы это делаем сегодня. Это не просто эпизод, потому что скандалы порождались удивлением, отвращением, которые разум проявлял долгое время. Это повторялось каждый раз, когда статическая величина должна была превратиться в динамическую. То же произошло и с Зеро. Классическими числами стали манипулировать как каменными блоками с помощью рычага.

Несомненно, вмешивалось и предчувствие того, что речь идет о чем-то другом, не просто о прогрессе в искусстве счета. Через такие же пороги переходили астрономия, физика, военное искусство и прежде всего, конечно, теология.

Старая система перестала модифицироваться внутренне, сама по себе: от нее надо было отказаться. Это не была больше реформа, даже слова «революция» в данном случае недостаточно.

Революции, даже когда они ставят все с ног на голову, производят модификации в рамках системы. Это походит на смену поколений одной семьи. Коперник не изменил движение звезд, он определил новый центр. Если бы это было понято и принято в тот же момент, последствия походили бы на последствия землетрясения. Введение Нуля как реальной величины произвело еще более опустошительный эффект: оно взорвало систему чисел.

Итак, классические числа выходили на сцену, словно персонажи по ходу спектакля. Они появлялись в образах, таких как X для десяти или XX для двадцати, их можно было писать разными способами — комедианты всего лишь меняли костюмы. Образ походил на жетон, поставленный на столе; если жетон убран, это значит, что стол свободен.

Индусы дали этой пустоте имя, а также ранг. Они сделали это, введя Нуль. Его имя, «пустота», пришло к нам, как уже было сказано, при посредстве арабов, превратилось в «цифру», а «цифрой» долгое время назывался в особенности Нуль. Он был встречен с недоверием, в нем видели дьявольское изобретение, и этим можно объяснить то, что и сегодня выражение «голые цифры» используется в уничижительном смысле в противоположность «числам».

После того как пустота получила имя, Нуль, и была включена в ряд чисел, чтобы играть в нем активную роль, имея значение в зависимости от позиции и придавая его другим числам, это событие походило на ребус или на мираж, в любом случае выглядело иллюзией.

Конец ознакомительного фрагмента.